

Различные стадии грамматикализации глагола речи

в «подчинительный союз» при КСА

Ханина О.

МГУ

В языках мира нередко встречается такое явление как расширение функций глагола 'говорить/называть': в качестве служебной морфемы он может оформлять обстоятельственные предложения разной семантики – причины, условия, цели, сравнения и др., - конструкции с сентенциальными актантами (КСА), в частности, прямую и косвенную речь. В качестве примеров можно привести лезгинский язык, где глагол речи является «подчинительным союзом» как для обстоятельственных предложений причины и цели, так и для КСА, многие тюркские языки (татарский, турецкий, туркменский, узбекский, шорский, каракалпакский, хакасский и др.), где рассматриваемый глагол имеет те же функции, многие дагестанские языки.

Каковы же причины данного явления? А.Н.Кононов [Кононов 1953] отмечает: «процесс передачи чужой речи включает (логически и формально-грамматически) в себе всё необходимое для развития сложноподчиненного предложения». Действительно, ведь это практически прототипический случай наличия в одном высказывании двух предикаций, отсылающих к двум ситуациям – ситуации говорения и той ситуации, о которой говорится. Таким образом, мы имеем предпосылки для начала процесса грамматикализации, который является по своей сути градуальным.

Рассматривая типологически разные языки, мы наблюдаем стадии этого процесса, которые и являются предметом данного исследования: в частности, грамматикализовавшаяся лексическая единица способна сохранять некоторые свои синтаксические и/или семантические свойства. Так, африканский язык Гд (Benue-Kwa) иллюстрирует наложение на употребление грамматикализовавшейся формы определенных сочетаемостных ограничений, идущих из ее бывшего лексического значения [Lord 1982]. В этом языке маркер объекта (некоторый аналог аккузатива) развивается из бывшего сериализованного глагола 'брать':

(1) И ke wtlt ?mi-s?

она OBJ книга положить_вниз

Она положила книгу вниз. (исторически = Она взяла книгу (и) положила (ее) вниз).

Поскольку объектом глагола 'брать' может быть далеко не всякая именная группа, то этот маркер не может употребляться, например, с глаголами, обозначающими создание объекта (снести яйцо), или же с экспериенциальными глаголами:

(2) Tete na Ktkт / *Tete ke Ktkт na

Тете видеть Коко / Тете OBJ Коко видеть

Тете увидел Коко.

Рассмотрим далее тюркские языки, в целом предпочитающие так называемые нефинитные способы оформления зависимой предикации, т.е.

- номинализацию, при которой образуется полноценная именная группа, вершиной которой является номинализированный зависимый предикат;
- причастную стратегию, при которой образуется именная группа из зависимого предиката в форме причастия и его субъекта.

Союзные же средства оформления предикаций в них развиты слабо: в рассматриваемых нами языках (см. выше) помимо служебной морфемы, образовавшейся из глагола речи, либо вообще нет союза, который бы присоединял сентенциальный актанта, либо существует единственное заимствование из неродственного, но соседнего персидского языка. Таким образом, грамматикализация глагола речи обогащает синтаксическую систему тюркских языков еще одной возможностью – объединением двух формально независимых предикаций, скрепленных некоторым комплементаризмом/«подчинительным союзом», подобно русскому: *[Я знаю], что [Вася ушел]*.

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что эти две предикации далеко не всегда оказываются абсолютно независимыми друг от друга. Рассмотрим в качестве примера определенной стадии грамматикализации (отнюдь не конечной!) использование глагола речи как «подчинительного союза» в мишарском диалекте татарского языка.

В тюркских языках существуют 2 синтаксические возможности оформления сентенциального актанта при помощи подчинительного союза, произошедшего из глагола речи, обе из которых реализуются в татарском языке:

- зависимая предикация трактуется как прямая речь, то есть ее синтаксическая структура точно такая же, как у изолированного предложения

(3) татарский язык

mIn	[sIn	vaktenda	kIIA-r-sEN] зп	dl-p
я	ты	вовремя	приходить-POT1-2.SG	говорить-CONV
vAgdA		blr-A-m		
обещание		давать-MS2-1.SG		

Я обещаю, что [ты придешь вовремя] ЗП.

Отметим, что не только синтаксическая структура зависимой предикации, но и референция личных местоимений при этой стратегии такая же, как и при прямой речи.

(4) татарский язык

sl_i [ml_i bUtEn kll-ml-m] ЗП dl-p
ты я другой раз приходить-NEG-1.SG говорить-CONV
At-tE-N
говорить-PST-2.SG

Ты_i сказал, что [ты_i больше не придешь] ЗП.

**Ты сказал, что [я больше не приду]* ЗП.

- связь зависимой предикации с главной более тесная, соответственно в синтаксической стратегии ее оформления отражаются синтаксические свойства бывшего глагола «говорить/называть», обусловленные его моделью управления dl (Nom, Acc)

Сравните простое предложение с этим глаголом:

(5) татарский язык

rlSAt kez-ne alsu dl-gAn
Ришат.NOM девушка-ACC Алсу.NOM называть-PFCT
Ришат назвал девушку «Алсу».

В данном случае синтаксическая структура предложения с конструкцией с сентенциальным актантом выглядит следующим образом:

[S_{Nom} [S_{Acc} + V_{3Sg} + dl_p] ЗП V] ГП,

где S – субъект предикации, V – финитный глагол предикации, ГП – главная предикация, ЗП – зависимая предикация, 3Sg – 3 лицо, ед.число.

(6) татарский язык

mln [sl_ine klt-tE-_] ЗП dl-p ujl-ej-m
я ты.ACC уходить-PST-3.SG говорить-CONV думать-MS2-1.SG

Я думаю, что [ты ушел] зп.

Остановимся подробнее на этом примере. Во вставленной предикации мы видим местоимение 2 лица единственного числа, денотат которого является субъектом действия, обозначенного предикатом *kl̥tA* 'уходить'. Как мы уже видели, в простом предложении татарского языка предикат *согласуется по лицу и числу со своим субъектом, стоящим в номинативе* (= номинативная стратегия согласования). Здесь же, в примере (6), глаголу *не с чем согласовываться*, т.к. его субъект стоит не в именительном, а в винительном падеже, в то время как в пределах предикации не появляется какого-либо другого имени в номинативе, с которым мог бы согласовываться предикат. Таким образом, он представлен наименее маркированной словоформой своей глагольной парадигмы – формой 3го лица, ед. числа.

Как и в предыдущем случае, рассматриваемая стратегия обуславливает не только определенную синтаксическую структуру сентенциального актанта, но и особую (отличную от первой стратегии) референцию личных местоимений. Сравнив пример (7) с примером (4), видим, что референция местоимений уже не такая, как при прямой речи:

(7) татарский язык

sl̥n _i	[m̥ln̥E* _i	bUtEn	kl̥l-m̥l-__]	зп	dl-p
ты	я.ACC	другой раз	приходить-NEG-3.SG	говорить-CONV	

At-tE-N

говорить-PST-2.SG

Ты_i сказал, что [я*_i <говорящий> больше не приду] зп.

Итак, на примере мишарского диалекта татарского языка мы рассмотрели конкретную стадию грамматикализации глагола речи, при которой сохраняются некоторые синтаксические свойства исходного глагола: модель управления и способ референции личных местоимений. При этом хотелось бы еще раз отметить ценность данного факта не только как возможности объяснения одной нетривиальной стратегии оформления КСА, но и - главным образом - как иллюстрацию одного из тезисов Хоппера [Hopper 1991], являющегося основополагающим для данного исследования: «Grammaticization is always a question of degree, not an absolute.»

Литература

Lord 1982: K.Lord «The development of object marker in serial verb languages»//«Studies in transitivity» ed. P.Hopper, S.Thompson 1982.

Hopper P. 1991:On some principles of grammaticization//E.Traugott, B.Heine (eds) «Approaches to grammaticalization» vol.1 1991

Haspelmath M. 1993: A grammar of Lezgian. Berlin.-N.-Y. 1993

Калинина Е.Ю., Чумакина М.Э. 1999: Обстоятельственные предложения//А.Е.Кибрик (ред) «Элементы цахурского языка в типологическом освещении» М.1999

Кононов1953: А.Н.Кононов «О союзном слове *diye* в турецком языке»//сб. «Академику В.А.Гордлевскому» 1953.